

НИКОЛАЙ АМОСОВ

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

ВОЙНА ГЛАЗАМИ
ВОЕННОГО ХИРУРГА

Москва
издательство
РОДИНА
2026

УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622
А62

Амосов, Николай Михайлович.

А62 Полевой госпиталь : война глазами военного хирурга /
Николай Амосов. — Москва : Родина, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-00269-147-0

Николай Михайлович Амосов — врач с мировым именем, известный своими операциями на сердце и уникальными методами продления жизни. В первый же день Великой Отечественной войны он добровольцем пошел в армию и был назначен хирургом в полевой госпиталь. В невероятно трудных условиях врачи спасали раненных в битвах под Москвой и Сталинградом, на Украине, в Венгрии, в Германии, а затем были направлены на Дальний Восток и участвовали в войне с Японией.

В своей книге Н.М. Амосов показывает войну так, как она виделась глазами врачей. Страдания и мужество, грязь и кровь, трагические, а иногда комические стороны войны представлены неразрывно, как это было в действительности.

УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00269-147-0

© Амосов Н.М., правообладатели, 2025
© ООО «Издательство Родина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	7
-------------------------	---

ЭПОХА СТАЛИНА

1937 год	22
Пакт с Гитлером	24
Война с финнами	26
1941 — 1945 гг. Полевой госпиталь	27
После войны	139
Быт и страна	141
«Дело врачей». Смерть Сталина	142
Крах культа Сталина	143

ОТ ХРУЩЕВА ДО БРЕЖНЕВА

Социализм и капитализм	146
Верховный Совет	149
Брежнев вместо Хрущева	151
Диссиденты. Сахаров	152
Кукиш в кармане	154
Смерть Брежнева	155

ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

1985 год	157
1986 год	191
1987 год	196
1988 год	208

1989 год	209
1990—1991 годы	217
Путч	218
Распад Союза	220

ПЕРЕСТРОЙКА ГОРБАЧЕВА. БАЛАНС ПОТЕРЬ

История	222
Состояние на начало XXI века	223
Баланс потерь и остатков	226
Еще цифры и обстоятельства	231
Власть и идеи	235
Оценки и выбор	237
Мнение о государстве	241
Повестка дня для президента	244
Что будет с Россией?	247
Вместо заключения	252

АВТОБИОГРАФИЯ

Все предки были крестьяне. Мама была акушеркой в северной деревне, недалеко от города Череповца. Отец ушел на войну в 1914-м, а когда вернулся, то скоро покинул семью. Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь. Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство — работать, а одиночество — читать книги. Когда стал пионером, перестал верить в бога и узнал про социализм. (Однако партийная карьера на пионерах закончилась — ни в комсомоле, ни в партии не был.) Жизнь русской северной деревни познал с детства.

С 12 до 18 лет учился в Череповце, в школе, потом в механическом техникуме, окончил его и стал механиком. Жил бедно и одиноко. Скучал по дому, читал классику.

Осенью 1932 г. начал работать в Архангельске, начальником смены рабочих, на электростанции при большом лесопильном заводе — новостройке первой пятилетки. Работал хорошо. В 1934 году женился на Гале Соболевой и начал учиться в Заочном индустриальном институте. В том же году умерла мама.

В 1935 году, вместе с женой, поступили в Архангельский медицинский институт. За первый год учения окончил два курса. Все время подрабатывал преподаванием. Близко познакомился с ссыльным профессором физики В.Е. Лашкаревым. Он открыл для меня мир парапсихологии. В 1939 году «с отличием» окончил институт. Хотелось заниматься физиологией, но место в аспирантуре было только по хирургии.

Параллельно с медициной продолжал учение в Заочном институте. Для диплома, по своему выбору, делал проект большого аэроплана с паровой турбиной. Затратил на него массу времени, надеялся, что проект примут к производству. Не приняли. Но зато в 1940 году дали диплом инженера «с отличием».

Между тем аспирантура в клинике не нравилась, любовь прошла, семейная жизнь надоела, детей не было. Обсудили положение с Галей и решили пожить отдельно.

Уехал из Архангельска и поступил на работу ординатором — хирургом больницы в родном Череповце. Научился делать обычные операции на органах живота. Интерес к физиологии вылился в размышления над гипотезами о механизмах мышления, о взаимодействии регулирующих систем организма. Тетрадки с «идеями» храню до сих пор.

Сформировались убеждения по политике: социализм признавал, но к коммунистическому начальству относился плохо и в армии служить не хотел. Возможно, повлиял горький опыт семьи, поскольку в лагерях сгинули брат и сестра мамы.

22 июня 1941 года началась Отечественная война. Работал в комиссии по мобилизации, а через пару дней был назначен ведущим хирургом в Полевой подвижной госпиталь («ППГ-22-бб на конной тяге»).

В этом госпитале и в одной должности прослужил всю войну с Германией и с Японией. Госпиталь предназначался для работы в полевых условиях, был рассчитан на 200 раненых. Общий штат — 80 человек, врачей — пять. Плюс 22 лошади.

В госпитале я женился на операционной сестре Лиде Денисенко. Она пошла на войну добровольно после третьего курса пединститута и служила в медсанбате. Осенью 1941-го их дивизия была окружена и Лида месяц блуждала по лесам с группой солдат. Через линию фронта их пе-

реправили партизаны. Из Москвы ее командировали к нам. Была отличная операционная сестра и красивая девушка. Наш роман тянулся полгода, пока оформили брак в городе Речица. Еще до того пришло письмо от Гали: она служила на Северном флоте, вышла замуж и ждала ребенка.

Встречу 1945 года отпраздновали в лесу, в землянках. 15 января началось последнее наступление на Германию. Оборону немцев прорвали быстро, раненых получили всего около двухсот, обработали, наложили гипсовые повязки и отправили.

Несколько раз переезжали по территории Восточной Пруссии, почти не работая. Условия были отличные: все немцы выехали, городки и поселки были пусты, хозяйственного имущества («трофеи наших войск») — сколько угодно.

В городе Эльбинг мы встретили День Победы, имея 18 тяжелораненых.

В штабе армии получили медали и ордена, при нашем госпитале провели армейскую конференцию, месяц ждали решения судьбы, потом сдали лошадей, погрузились в эшелон и поехали домой. Когда пересекли Волгу, надежды на демобилизацию растаяли. Видели, как на Восток непрерывно идут воинские эшелоны, и все говорили, что будет война с Японией. После месяца пути через всю Россию выгрузились в Приморском крае.

В августе объявили войну. Мы приняли с десятков легких раненых на границе и двинулись в Маньчжурию. В это время американцы сбросили атомные бомбы, и Япония капитулировала. После нескольких переходов и переездов развернулись в городке Боли и даже приняли раненых, после короткого боя с японцами-смертниками.

В сентябре нас перевезли в район Владивостока. Здесь в течение месяца госпиталь расформировали: уехали санитары, потом сестры и женщины-врачи.

Так закончился славный путь ППГ 22-66.

За войну я стал опытным хирургом, мог оперировать в любой части тела. Особенно преуспел в лечении ранений груди, суставов и переломов бедра. К сожалению, перегрузки, постоянные переезды и необходимость эвакуации часто не позволяли доводить дело до конца, чтобы получить полное удовлетворение.

Раненых прошло чуть больше 40 тысяч. Почти половина — тяжелые и средней тяжести: с повреждением костей, проникающими ранениями груди, живота и черепа. Умерло свыше семисот: огромное кладбище, если бы могилы собрать вместе. В нем были и могилы умерших от моих ошибок...

После войны работал в Брянске. Шесть лет прошли как в сказке. Отличная работа, отличные люди: помощницы — врачи из бывших военных хирургов и администрация больницы. Но главное — работа. Много сложных больных и новых операций — на желудке, на пищеводе, на почках — во всех областях тела. Но самыми важными были резекции легких — при абсцессах, раках и туберкулезе. Их я никогда не видел, методику разработал самостоятельно и за четыре года прооперировал больных больше всех хирургов в Союзе.

Работа в области с районными хирургами тоже была интересна: нужно проверять и учить. Много ездил, проводил конференции, показывал операции. Авторитет завоевал, хотя вначале был неприлично молод для такой должности.

Диссертацию защитил в 1948 году в Горьком. Через год уже выбрал тему для докторской: «Резекции легких при туберкулезе». Оперировал много, и в 1952 году диссертация была готова. Академик А.Н. Бакулев труд одобрил, прослушав мой доклад на конференции по грудной хирургии в Москве. Лида работала старшей операционной сестрой и

окончила пединститут заочно. Однако учительницей быть не собиралась. Говорила: «Хочу стать хирургом!».

Тут подвернулся Киев: сделал в Институте туберкулеза доклад и показал операции. Директор А.С. Мамолат пригласил работать, министр обещал открыть еще отделение в госпитале для инвалидов войны.

Очень не хотелось уезжать из Брянска! Но куда денешься? Жена поступила в Киевский мединститут. Возможностей для карьеры в области не было. Решился, и в ноябре 1952-го переехали. Диссертацию подал еще из Брянска — и снова в Горький.

Киев. Сначала все не нравилось: квартира — одна комната, хирургия бедная, работал в двух местах, больных мало, помощники ленивые. Очень тосковал, ездил в Брянск оперировать. Постепенно проблемы разрешились. В марте 1953-го защитил диссертацию. С малым перевесом голосов, но все же выбрали на кафедру в мединституте. Здесь была новая клиника, сложные больные, выступления на обществе хирургов. Двое помощников приехали из Брянска. Квартиру улучшили. Работа пошла.

В январе 1955-го сделал доклад по хирургии легких на съезде в Москве, имел успех. Тогда же начал простые операции на сердце. Лида училась нормально.

Ездил с докладами на конгрессы в Румынию и Чехословакию.

В 1956-м родилась дочь Катя. Беременность Лиды шла с осложнениями, поэтому делали кесарево сечение. До того, за двадцать лет семейного стажа, потребности в детях не ощущал. Лида настояла. Но как увидел это маленькое, красненькое, хлипкое существо, так и понял: кончилась свобода, уже не сбегу. Какие бы сирены не обольщали.

В том же году нам дали трехкомнатную квартиру — первую в жизни с ванной и уборной.

1957 год был очень важный: в январе клиника переехала в новое трехэтажное здание, а осенью я ездил на конгресс хирургов в Мексику. Там увидел операцию на сердце с АИК (Аппаратом искусственного кровообращения) и очень увлекся. Поскольку купить аппарат было невозможно, то разработал собственный проект — его сделали на заводе: наконец пригодились инженерные знания. В следующем году провели эксперименты на собаках, а к концу года попробовали на больном: у него случилась остановка сердца при обычной операции. Больной умер. После этого еще год экспериментировали. В 1959 году удачно прооперировали мальчика с тяжелым врожденным пороком сердца — так называемой «Тетрадой Фалло».

С 1958 года началась наша «кибернетика». Сначала это была лаборатория для отработки операций с АИК, потом присоединили физиологические исследования сердца с участием инженеров и математиков. В Институте кибернетики создали специальный отдел. Собрался коллектив энтузиастов. Он распался в девяностые годы, в отделе осталась только группа по ИИ, с которой дружу до сих пор.

В 1962 году с академиком П.А. Куприяновым мы совершили турне по клиникам США: познакомились с известными кардиохирургами — Лилихаем, Кирклином, Блэлоком и другими, посмотрели много новых операций. Некоторые из них остались в моем арсенале, другие — закончились печально. В частности, это коснулось пластики аортального клапана створками из нейлоновой ткани: у всех восьми больных наступил рецидив и пятеро погибли. Была настоящая драма.

В тот год проблема протезов клапанов вышла на первое место. Американец Старр создал шаровой клапан, в нашей лаборатории — свою модель, из полусферы, дополненной специальной обшивкой корпуса препятствовав-

шей образованию тромбов. Интересно, что Старр придумал то же самое и почти в то же время.

С 1962 года началось восхождение моей карьеры сразу по нескольким линиям. Причем без всяких усилий с моей стороны: я свято следовал правилу М.А. Булгакова: «Никогда ничего не проси».

Коротко перечислю карьерные успехи.

В начале 1962 года меня избрали членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Предложил сам президент, А.Н. Бакулев. Затем в тот же год присудили Ленинскую премию — в компании четырех легочных хирургов. Следующий чин, уже совсем неожиданный — избрание депутатом Верховного Совета СССР. Вот так это было: вызвали в обком и сказали: «Есть мнение выдвинуть вас в депутаты. Народ поддержит». Я деликатно отказывался, мне действительно не хотелось, но настаивать побоялся: все под партией ходим! Попадешь в немилость — работать не дадут.

В депутатах я пробыл четыре срока. Заседаниями не обременяли — дважды в год по 2—3 дня: сиди, слушай и голосуй единогласно. Но была серьезная обязанность: принимать граждан и помогать в их трудностях. Я честно отработывал — вел прием раз в неделю. Приходили по 4—10 человек, в основном по квартирным вопросам. Писал бумаги к начальникам, и как ни странно — в половине случаев помогал. Приемы эти были тягостные: горя наслушался свыше меры, в дополнение к хирургическим несчастьям. Все доходы депутата составляли 60 р. в месяц, один только раз ездил с дочкой на курорт. Правда, были бесплатные билеты на транспорте, но зато не брал командировочных денег в институте.

Чтобы больше не упоминать о чинах и наградах, перечислю сразу все последующие: 1969 — академик Украинской АН. Потом — три государственные премии Украины — за хирургию и кибернетику. В 60 лет дали Героя Соцтруда.

Потом еще были ордена Ленина, Октябрьской революции. Это не считая четырех орденов за войну, звания заслуженного деятеля науки. Вот так обласкала партия беспартийного товарища. Но значков на пиджак не вешал.

Моя совесть перед избирателями чиста: не обещал, не лгал, коммунистов не славил. То же касается и больных: никогда ничего не брал, и даже в вестибюле висело распоряжение: «Прошу не делать подарков персоналу, кроме цветов».

Что касается фрондерства к властям, то преувеличивать не буду: против не выступал. Крамольные книжки из-за границы возил во множестве, пользуясь депутатской неприкосновенностью, но держал под замком.

Был ли я «советским человеком»? Наверное, все-таки — был. Менять социализм на капитализм не хотел. Завидовал западным коллегам по части условий работы, но чтобы уехать — мысли не возникало. Несмотря на правителей-коммунистов, наше общество выглядело более человечным. Права бедного народа на работу, пенсию, соцстрах, лечение, образование, почти бесплатные квартиры и транспорт казались важнее свободы прессы и демонстраций против правительства. Они ведь нужны только кучке интеллигентов. Тем более когда открытые репрессии после Сталина резко уменьшились. Истинное положение «трудящихся» на Западе я узнал много позднее. Пересмотр политических взглядов произошел уже после горбачевской перестройки...

Любовь к дочке была самым сильным чувством в моей жизни. Воспитывал ее по науке: в три года умела читать, рано пристрастилась к книгам, с четырех — английский. Театры, музеи, выставки, поездки в Москву, в Ленинград, даже в Германию. А главное — разговоры и любовь.

Не все шло безоблачно: после первого курса был нервный срыв. Московские психиатры чуть не залечили психотропными средствами. Вмешался, забрал домой, все отме-

нил, взял в клинику операционной сестрой на свои операции. Выправилась, но год потеряла.

Перечислю важное о Кате. Вышла замуж на последнем курсе, окончила с отличием, поступила в аспирантуру по терапии, защитила кандидатскую, потом — в 33 года — докторскую. Родила дочку — Анюту, получила кафедру, написала четыре книжки и много статей, подготовила два десятка диссертантов. Последнее событие — в 2000 году — избрали в члены-корреспонденты Медицинской академии. Муж — профессор хирург. Вот такая получилась дочь. Горжусь.

В том же 1970 году было еще событие: Лида взяла собаку, сучку трех месяцев, доберман-пинчер, назвали Чари. Собака мне была не нужна, Лида взяла для себя. Однако пришлось ее выгуливать и она стала мне как близкий друг. На девятом году жизни, я не досмотрел, случилась первая беременность, не могла родить, сам оперировал дома, щенята были мертвые. Погибла от пневмонии. Три дня от нее не отходили. Очень переживали. И тут же взяли такую же — «Чари вторую». Эта жила десять лет, так же любили. Умирала от рака, очень тяжело. Больше брать собак не решились: слишком много переживаний, когда умирают.

Чари побудила меня бегать, чтобы рационально использовать время, отведенное для гулянья.

Физкультура для меня — одна из основ жизни. Придется рассказать историю. В раннем детстве я рос один и «программы» физического развития не отработал. Труд в хозяйстве прибавил силы, но не дал ловкости: плавать, танцевать и ездить на велосипеде не научился. С уроков физкультуры сбегал в школе и в институте. Но всегда был здоров. На войне впервые был приступ радикулита, потом он часто повторялся, возможно, от длительных операций. В 1954-м стало совсем плохо: на рентгене определились изменения в позвонках. Тогда я и разработал свою гимнастику: 10 упражнений, каждое по 100 движений. Это помогло.

Чари добавила утренние пробежки. Система дополнилась ограничениями в еде: строго удерживал вес не более 54 кг. Продумал физиологию здоровья, и получился «Режим ограничений и нагрузок» — любимая тема для публики.

О лекциях стоит сказать особо. К публичным выступлениям пристрастился в конце 60-х годов. Наверное, мне льстили аплодисменты и возможность говорить на грани дозволенного: надеялся, что депутатский статус защитит от КГБ. Сначала выступал от общества «Знание», а когда прославился, приглашали всюду, в Москву, Ленинград, Прибалтику. На Украине объездил все области: приезжал на один день и прочитывал три лекции. Темы были самые разные: от «здоровья» до социализма и искусственного интеллекта. Платили по 40 рублей за лекцию, но и тегодились на «левые» (мужские) расходы.

Новая клиника. В конце шестидесятых годов трехэтажный дом стал для нас тесен. Высшее начальство решило построить еще одно большое здание. Проектировали долго. В 1972-м начали строить, и через три года закончили. Большой дом в шесть этажей с операционными, конференц-залом с расчетом на 350 кроватей. Старое здание оставили под поликлинику, рентген и аптеку. Расширили штаты, набрали выпускников из института. Получилось хорошо. К 1980 году количество операций довели до 2000, из которых 600 — с АИК.

Результаты, однако, не радовали, настроение было плохое, хотя я оперировал ежедневно.

В 1981 году, при моем неохотном согласии, Лида купила под дачу вполне приличный дом, в поселке за полсотни километров от города. Я приобщился к дачной жизни только через год — понравилось бегать в лесу и столярничать в мастерской. В институт ездил на электричке.

В июле того же 1982 года произошел очередной душевный кризис: часто умирали больные. Объявил, что на

все лето бросаю хирургию и буду заниматься только кибернетикой. Жил на даче три месяца — делал модели общества и ездил на семинары в своем отделе.

Только в ноябре начал понемногу оперировать. Постепенно все вернулось к прежней жизни.

Болезнь. Все беды приходят неожиданно: на фоне обычного режима летом 1985-го начались перебои в сердце. К осени развился полный блок: частота пульса — 40, бегать уже не могу. Нужен стимулятор, но я упорствовал, пока не развилась гипертония. Под Новый год передал институт заместителю — думал, что насовсем, и поехал на операцию в Каунас, к Ю.Ю. Бредикусу. Лида и Катя поехали со мной.

Стимулятор заработал отлично, и к середине февраля 1986-го я вернулся: снова директорство, операции, бег.

Аварию в Чернобыле, в апреле 1986-го, семья пережила на даче, 50 км от злополучного места. Я с самого начала считал, что вредные последствия преувеличены: писатели и политиканы напугали публику и весь мир. В результате миллионы людей сделали невротиками на многие годы. Врачи тоже поддались этому психозу.

В 1987 году в стране начались эксперименты: выборный директор, кооперативы, самостоятельность предприятий, советы трудового коллектива. Мы тоже добились хозрасчета, чтобы получать деньги от министерства не по смете, а за операции. Результат — количество операций с АИК почти удвоилось и приблизилось к двум тысячам. В полтора раза повысилась зарплата. Работать стало интереснее.

Между тем в декабре 1988-го подошел юбилей: 75 лет. Решил оставить пост директора, но продолжать операции. Были трогательные проходы: чуть не расплакался. Раз в неделю я оперировал с АИК. Но это была уже другая жизнь, скучная...

В стране господствовала эйфория демократии — свободно выбирали Народных депутатов. С 1962 по 1979 год я уже был членом Верховного Совета и тогда убедился, что это ширма для диктатуры партии. Теперь, казалось, все будет иначе: народ получит реальную власть.

Я-то знал, как ее нужно употребить. Поэтому, когда наши врачи выдвинули меня в кандидаты — я согласился. Было пять конкурентов, включая кандидата от КПСС, но я прошел в первом туре.

В мае 1989 г. был 1-й съезд народных депутатов: две недели свободных высказываний, выступления Сахарова, отмена контроля партии, первый демарш прибалтов и многое другое.

Меня выбрали в Верховный Совет: нужно заседать непрерывно, как в настоящем парламенте. Я просидел три месяца и убедился, что эти пустые словопрения не для меня. В Киеве пытался проводить свою программу помощи медицине и школе и снова потерпел неудачу: порядки остались прежние, администраторы со всем соглашались, но ничего не делали. На депутатские приемы приходили по 30—40 человек, они уже не просили помощи, как раньше, а требовали. При публичных встречах народ резко критиковал власть. Депутатам тоже доставалось.

Осенью, по моей просьбе, московские врачи помогли освободиться от парламента — нашли аритмию. Но заседания и приемы избирателей остались. Загрустил. А что делаешь?

Но все-таки жизнь в Москве не прошла без пользы: Верховный Совет открыл доступ к статистикам и запрещенным книгам.

Провел три большие социологические исследования через газеты, узнал настроения народа. Об этом опубликовал несколько статей в газетах и журналах.

Самое главное: пересмотрел свои убеждения, убедился, что социализм уступает капитализму по эффективности. Частная собственность, рынок и демократия необходимы для стойкого прогресса общества. От этого выигрывают не только богатые но, со временем — и бедные.

Дальше следовали события 1991—92 гг.: разгром путча, распад Союза. Верховный Совет перестал существовать, Горбачев ушел в отставку.

Независимость Украины я приветствовал. Раз есть народ, есть язык — должна быть страна. Казалось, наступает новая эра.

К сожалению, надежды на процветание Украины и России не оправдались. Партийные начальники овладели демократической властью и государственной собственностью и наступил жестокий кризис всего общества. Производство сократилось в два раза, половина народа обеднела, социальные блага резко уменьшились из-за недостатка денег в бюджете. Распространилась коррупция и выросла преступность. Народ разочаровался в демократии.

В 1997 году совместно с фондом член-корреспондента НАНУ Б.Н. Малиновского провели большое социологическое исследование через украинские газеты — получили 10 000 анкет. Основные выводы: народ бедствует, недоволен властями, пожилые хотят вернуть социализм, молодые — двигать реформы дальше. Такой же раскол по поводу ориентации Украины — на Россию или на Запад. Данные опубликовали, но полемики они не вызвали...

В зиму 1998 года состояние сердца еще ухудшилось. Ходил с трудом. В начале мая 1998 года Толя Руденко из нашего института договорился с профессором Керфером из Германии, что он возьмется меня оперировать. Катя и директор института Г.В. Кнышов организовали эту поездку. Городская администрация согласилась оплатить расходы.

После этого решения воля к жизни упала, состояние ухудшилось и я ощутил близость смерти. Страх не испытал: все дела в жизни сделаны.

26 мая Катя, Толя и я приехали в небольшой город Bad Oeynhausen, недалеко от Ганновера — в клинику Reiner Korfer. Обследование подтвердило резкое сужение аортального клапана и поражение коронарных артерий. 29 мая профессор вшил мне биологический искусственный клапан и наложил два аортокоронарных шунта. Сказал, что гарантия клапану — пять лет. После операции были неприятности, но все закончилось хорошо...

Так прошла жизнь. Что в ней было самое главное? Наверное — хирургия. Операции на пищеводе, легких, особенно на сердце, делал больным при угрозе скорой смерти, часто в условиях, когда никто другой их сделать не мог; лично спас тысячи жизней. Работал честно. Не брал денег. Конечно, у меня были ошибки, иногда они кончались смертью больных, но никогда не были следствием легкомыслия или халатности.

Я обучил десятки хирургов, создал клинику, потом институт, в которых оперировано свыше 80 тысяч только сердечных больных. А до того были еще тысячи с другими болезнями, не говоря уже о раненых на войне. Хирургия была моим страданием и счастьем.

Все остальные занятия были не столь эффективны. Мои статьи и лекции пользовались успехом и льстили тщеславию, а участие в Верховном Совете было скорее вынужденным, служило поддержанию престижа клиники. Вреда людям оно не принесло, и пользы — тоже. Я не кривил душой, не славословил власти, но и против не выступал, хотя и не любил коммунистов-начальников. Однако верил в «социализм с человеческим лицом», пока не убедился, что эта идеология утопична, а строй неэффективен.

В личной жизни я старался быть честным и хорошо относился к людям. Они мне платили тем же. Однако свои душевные качества не преувеличиваю: не герой и не борец за правду.

Если бы можно начать жить сначала — я выбрал бы то же самое: хирургию и в дополнение — мудрствование над «вечными вопросами» философии: истина, разум, человек, общество, будущее человечества.

2001 г.

ЭПОХА СТАЛИНА

(из книги «Голоса времен»)

1937 год

События того времени: процессы врагов народа (Бухарин, Рыков) и выборы в Верховный Совет.

О как возмущали эти судебные спектакли на кремлевской сцене! Так низко пасть героям-революционерам! Тем и другим — обвинителям — то есть Сталину, и жертвам, бичующим себя. Мы не верили ни одному слову. Только спрашивали: как это возможно? пытки? Но процессы — публичные — объяви, пожалуйста! Лион Фейхтвангер, («Москва 1937») свидетельствовал: «отлично выглядели, никаких следов избиений». Вера в коммунистов окончательно рухнула. Всю жизнь носил в душе эту занозу антипатии и презрения. Нет, Амосов, будем точны: кроме короткого периода 42-го года во время разгрома немцев под Москвой. Но даже тогда не славословил Сталина и коммунистов. Ничего не подписывал, когда клеймили академиков и писателей, не выступал на собраниях.

Но ведь молчал, Амосов? Против — только на кухнях. К диссидентам — не примкнул. Так что, давай не будем.

Нет, не будем. Объяснение? Рассудочность: рано научился оценивать человеческую природу, рассчитывать «за и против», шансы на успех движений, сомнительность идей.

Впрочем, не стану оправдываться:

«— Трусоват был Ваня бедный!».

Не настолько, чтобы предавать, но достаточно, чтобы не бросаться в драку. Всегда жалко было потерять люби-